

Жан-Батист Мольер

Скупой

*Часть сборника
Комедии*

Жан-Батист Мольер

Скупой

«Public Domain»

1668

Мольер Ж.

Скупой / Ж. Мольер — «Public Domain», 1668

ISBN 978-5-457-12758-6

«Валер. Элиза, милая, что ж это? Вы только что уверяли, что никогда не измените мне, а теперь задумались? Я в восторге, а вы вздыхаете? Уж не жалеете ли вы, что меня осчастливили? Или вы раскаиваетесь в том, что уступили моим пламенным чувствам и дали слово? Элиза. Мне не в чем раскаиваться, Валер. Власть любви так отрадна! У меня не хватило бы сил ей противиться. Но если уж говорить правду, я тревожусь за будущее. Я боюсь, что люблю вас больше, чем следует...»

ISBN 978-5-457-12758-6

© Мольер Ж., 1668
© Public Domain, 1668

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Явление первое	6
Явление второе	8
Явление третье	10
Явление четвертое	12
Явление пятое	13
Явление шестое	16
Явление восьмое	18
Явление девятое	19
Явление десятое	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Жан-Батист Мольер

Скупой

Действующие лица

Гарпагон¹ – отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Мариану.

Клеант – сын Гарпагона, возлюбленный Марианы.

Элиза – дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.

Ансельм – отец Валера и Марианы.

Валер – сын Ансельма.

Мариана – дочь Ансельма.

Фрозина – посредница в сердечных делах.

Симон – маклер.

Жак – повар и кучер Гарпагона.

Клод – служанка Гарпагона.

Брендавуан, Ламерлуш – слуги Гарпагона.

Лафлеш – слуга Клеанта.

Комиссар.

Писарь.

Действие происходит в Париже, в доме Гарпагона.

¹ *Гарпагон.* – Имя «Гарпагон» имеет своим корнем латинское слово «*harpago*» – гарпун. Так назывались якоря, которыми во время морского боя подтягивали вражеские корабли. В переносном смысле это слово означает «хапун», «загребущие руки».

Действие первое

Явление первое

Элиза, Валер.

Валер. Элиза, милая, что ж это? Вы только что уверяли, что никогда не измените мне, а теперь задумались? Я в восторге, а вы вздыхаете? Уж не жалеете ли вы, что меня осчастливили? Или вы раскаиваетесь в том, что уступили моим пламенным чувствам и дали слово?

Элиза. Мне не в чем раскаиваться, Валер. Власть любви так отрадна! У меня не хватило бы сил ей противиться. Но если уж говорить правду, я тревожусь за будущее. Я боюсь, что люблю вас больше, чем следует.

Валер. Чего бояться, Элиза, когда делаешь доброе дело?

Элиза. Ах, многого можно бояться: рассердится отец, станет упрекать семья, осудит свет... Но больше всего боюсь я, Валер, что изменится ваше сердце, что вы станете платить мне преступной холодностью, как это часто бывает, если мы уж очень пылко и доверчиво любим.

Валер. О, не обижайте меня, не судите обо мне по другим! Подозревайте меня во всем, Элиза, но только не в том, чтобы я мог изменить своему долгу. Я слишком сильно люблю вас и буду любить, пока жив.

Элиза. Ах, Валер, не вы один это говорите! Послушать – все мужчины одинаковы, а на деле какая между ними разница!

Валер. Ну так и судите меня по моим делам, а не по мнимым поступкам – это все ни на чем не основанные опасения, плод докучливого воображения. Умоляю вас: будьте справедливы, не добивайте меня чувствительными ударами оскорбительных подозрений, дайте мне время привести вам бесчисленное множество доказательств моей любви.

Элиза. Когда любишь, так охотно веришь! Да, Валер, я думаю, что вы не способны обмануть меня. Я верю, что вы меня действительно любите и никогда мне не измените, я ни в чем не хочу сомневаться, но что обо мне скажут? Вот чего я страшусь.

Валер. Да что же могут сказать?

Элиза. Я бы ничего не боялась, если бы все знали вас так, как знаю я. Вы служите оправданием моим поступкам. Защитой мне служат ваши достоинства, а также признательность к вам, которую мне внушает само Небо. Я никогда не забуду этого ужасного случая, благодаря которому мы с вами познакомились, никогда не забуду, с каким удивительным самоотвержением бросились вы за мной в воду и спасли от ярости бурных волн, с какой нежной заботливостью привели меня в чувство, как потом вы были почтительны и терпеливы в своей горячей любви ко мне, которую ни препятствия, ни время не сумели охладить, как ради меня вы забыли своих родных, забыли родные края, остались здесь и, чтоб не расставаться со мной, под чужим именем поступили в услужение к моему отцу. Все это произвело на меня неизгладимое впечатление, иначе я не дала бы вам согласия. Но, быть может, в глазах других людей это не оправдание, я не уверена, что меня поймут.

Валер. Единственная моя заслуга перед вами – это моя любовь. Ваш отец – вот ваше оправдание, если уж оно вам так необходимо. При его страшной скупости, при его строгости к детям и не то еще извинить можно. Простите меня, дорогая Элиза, но тут ничего другого и не скажешь. Как только мне удастся найти отца и мать, нам легко будет с ним сладить. Я с нетерпением жду известий, и если мои родители запоздают, я сам за ними отправлюсь.

Элиза. Ах, Валер, не оставляйте меня, прошу вас! Старайтесь понравиться отцу – только это сейчас и нужно.

Валер. Я и то стараюсь. Вам известно, к каким я должен был прибегнуть уловкам, чтобы попасть к нему в услужение, как я к нему подлаживаюсь, как я к нему подольщаюсь, чтобы войти в доверие, какую комедию я ломаю перед ним ежедневно, чтобы заслужить его любовь. И я уже вижу большие успехи. Подражай людям в их склонностях, следуй их правилам, потворствуй их слабостям, восторгайся каждым их поступком – и делай из них что хочешь; это самый лучший путь, можно смело играть в открытую, теперь я в этом убежден. Пересаливать не бойся, тут и самый умный человек поймается, как последний дурак, явный вздор, явную нелепость проглотит и не поморщится, если только это кушанье приправлено лестью. Нельзя сказать, чтобы это было честно, но к нужным людям необходимо применяться. Раз другого средства нет, виноват уже не тот, кто льстит, а тот, кто желает, чтобы ему льстили.

Элиза. Хорошо бы вам и с братом подружиться, а то на служанку полагаться опасно – вдруг она вздумает выдать нас?

Валер. С обоими я, пожалуй, не слажу. Они так друг на друга не похожи, что к ним сразу не подделаешься. Лучше уж вы воздействуйте на брата – ведь вы же с ним дружны... Да вот и он. Я ухожу. Поговорите-ка с ним теперь же, только не очень откровенничайте.

Элиза. Не знаю, хватит ли у меня храбрости.

Валер уходит.

Явление второе

Элиза, Клеант.

Клеант. Ты одна, Элиза? Как я рад! Слушай: я должен открыть тебе тайну.

Элиза. Я слушаю тебя внимательно. Что скажешь?

Клеант. Многое скажу, сестра, но в двух словах: я влюблен.

Элиза. Влюблен?

Клеант. Да, влюблен. Но погоди! Я знаю, что завишу от отца и не смею выходить из его воли. Без согласия родителей мы не вправе давать какие бы то ни было обязательства, их желания должны быть нашими желаниями, других мы иметь не можем – так уж судили Небеса. Они застрахованы от всяких безумств, а потому у них и ошибок меньше, чем у нас, им виднее, что нам пригодно, что – нет. Благоразумие просвещает, а страсть ослепляет. Увлечения молодости толкают нас к пропасти... Все это я говорю тебе, сестра, для того, чтобы ты мне этого уже не говорила: моя любовь ничего не желает слушать, разуберять меня бесполезно.

Элиза. Ты посватался, Клеант?

Клеант. Нет еще, но это решено. Еще раз прошу тебя: не отговаривай меня.

Элиза. Ты считаешь меня способной на это?

Клеант. Нет, Элиза, но ты не влюблена: ты не знаешь, какую отрадную власть имеет пылкая любовь над сердцем, я боюсь твоей рассудительности.

Элиза. Ах, не будем говорить о моей рассудительности, Клеант! Кто хоть раз в жизни не терял рассудка? Открой я тебе свое сердце, ты, быть может, увидел бы, что я гораздо менее рассудительна, чем ты.

Клеант. О, если бы и твое сердце...

Элиза. Поговорим сначала о тебе. В кого ты влюблен?

Клеант. В молодую девушку, она недавно поселилась неподалеку от нас. Ее достаточно увидеть, чтобы полюбить. Никогда еще природа не создавала ничего более прелестного, с первый же встречи я пришел в восхищение. Зовут ее Марианой, живет она с больной матерью и трогательно заботится о ней, как истинно любящая дочь. Что бы она ни делала, все у нее выходит так мило! Это само очарование, сама нежность, подкупающая доброта, изумительная душевная чистота... Ах, если бы ты увидела ее, Элиза!

Элиза. А я и так ее вижу. Ты ее любишь – этого с меня довольно.

Клеант. Я узнал стороной, что они очень небогаты и при всей своей бережливости еле еле сводят концы с концами. Представь себе, Элиза, как был бы я рад облегчить нужду любимой девушки и незаметно помочь скромным, хорошим людям. Представь и пойми, каково это мне, что из-за скупости отца я принужден лишиться себя этой радости и ничем не могу доказать свою любовь!

Элиза. Да, я понимаю, Клеант, как тебе должно быть горько.

Клеант. То есть так горько, сестра, что и сказать нельзя. В самом деле, что может быть ужаснее этой черствости, этой непонятной скаредности отца? На что нам богатство в будущем, если мы не можем воспользоваться им теперь, пока молоды, если я весь в долгу, оттого что мне жить не на что, если нам с тобой приходится, чтобы мало-мальски прилично одеваться, брать в долг у купцов? Выведай у отца, как он отнесется к моему решению. Коли запрямится, я уеду с Марианой, Бог даст, как-нибудь да проживем. Перехвачу где-нибудь деньжонок. Знаешь что, Элиза, если и ты в таком же положении, как и я, если отец будет нам мешать, уедем оба, бросим его, освободимся наконец от невыносимого гнета его скупости.

Элиза. Да, с каждым днем нам все тяжелее становится жить без матушки и...

Клеант. Я слышу его голос. Уйдем, dokonчим наш разговор и попробуем совместными усилиями сломить его нрав.

Элиза и Клеант уходят.

Явление третье

Гарпагон, Лафлеш.

Гарпагон. Вон сию же минуту, без всяких разговоров! Убирайся, мошенник! Прочь с глаз моих, висельник!

Лафлеш (*про себя*). Отродясь не видал я такого злого старикашку. Бес в него вселился, прости, Господи, мое согрешение.

Гарпагон. Что ты там бормочешь?

Лафлеш. За что вы меня гоните?

Гарпагон. И ты еще спрашиваешь, негодяй? Вон, пока я тебя не исколотил!

Лафлеш. Что я вам сделал?

Гарпагон. Я хочу, чтобы ты убрался, – вот что!

Лафлеш. Ваш сын, сударь, приказал мне дожидаться его.

Гарпагон. Дожидайся на улице, а не у меня в доме. Нечего тебе здесь торчать, высматривать да вынюхивать. Соглядатай! Предатель! Так и следит, так и шарит своими проклятыми глазами, что я делаю, где что плохо лежит, нельзя ли что-нибудь стянуть, – мне это надоело.

Лафлеш. Черта с два у вас что-нибудь стянешь, когда вы все под замком держите да еще день и ночь сторожите!

Гарпагон. Держу под замком – значит, нахожу нужным; сторожу – значит, мне так нравится. Сыщик тоже выискался, до всего ему дело! (*Про себя.*) А что, если он проведал о моих деньгах? (*Громко.*) Уж не вздумал ли ты рассказать где-нибудь, что я деньги прячу?

Лафлеш. А вы таки прячете?

Гарпагон. Я этого не говорил, бездельник! (*Про себя.*) Как он меня бесит! (*Громко.*) Я спрашиваю: не дернула ли тебя нелегкая рассказывать, что у меня есть деньги?

Лафлеш. Э, что нам за дело – есть у вас деньги, нет ли! Нам от этого ни тепло, ни холодно.

Гарпагон (*замахнувшись, чтобы дать ему пощечину*). Ты еще рассуждаешь? Я тебя отучу рассуждать... Убирайся вон, в последний раз говорю тебе!

Лафлеш. Хорошо, я уйду.

Гарпагон. Постой! Ты ничего не стащил?

Лафлеш. Что у вас тащить-то?

Гарпагон. Не верю. Покажи руки!

Лафлеш. Вот вам руки.

Гарпагон. Другие!²

Лафлеш. Другие?!

Гарпагон. Другие.

Лафлеш. Вот вам другие!

Гарпагон (*показывая на его штаны*). А туда ничего не спрятал?

Лафлеш. Посмотрите!

Гарпагон (*ощупывая его*). Эти широкие штаны как раз для того и придуманы, чтоб прятать краденое. Вешать бы тех надо, кто такие штаны носит!

Лафлеш (*про себя*). Вот он-то как раз и заслуживает того, чего боится, вот бы кого я с радостью обокрал!

Гарпагон. А?

² *Покажи, руки!.. Другие!* – Эта комическая сцена восходит к пьесе Плавта «Горшок», где скупой Эвклион, осмотрев обе руки слуги, велит ему показать еще «третью».

Лафлеш. Что?

Гарпагон. Что это ты говоришь: обокрал?

Лафлеш. Я говорю, что вы меня обыскиваете – думаете, что я вас обокрал.

Гарпагон. Вот-вот! (*Шарит у Лафлеша в карманах.*)

Лафлеш (*про себя*). Будь прокляты все скряги со всем их скряжничеством!

Гарпагон. Как? Что ты говоришь?

Лафлеш. Что я говорю?

Гарпагон. Ну да! Что ты говоришь о скрягах и о скряжничестве?

Лафлеш. Я говорю: будь они прокляты.

Гарпагон. Кто?

Лафлеш. Скряги.

Гарпагон. А кто они, эти скряги?

Лафлеш. Пакостники и сквернавцы.

Гарпагон. Кто ж они такие?

Лафлеш. Да вы-то из-за чего беспокоитесь?

Гарпагон. Это уж мое дело.

Лафлеш. Вы, может, думаете, что говорю про вас?

Гарпагон. Я думаю то, что думаю, но ты мне должен сказать, кому ты это говоришь.

Лафлеш. Я говорю... Я говорю моей шапке.

Гарпагон. Вот тебе по шапке-то и попадет за это.

Лафлеш. Не можете же вы запретить мне бранить скряг!

Гарпагон. Не могу, но зато я могу заткнуть тебе рот, чтобы не слышать твоих дерзостей. Молчать!

Лафлеш. Я никого не назвал.

Гарпагон. Я тебя отдую, если ты еще хоть слово скажешь.

Лафлеш. Знает кошка, чье мясо съела!

Гарпагон. Ты замолчишь?

Лафлеш. Замолчу-поневоле.

Гарпагон. А-а!

Лафлеш (*показывает Гарпагону карман своего камзола*). Смотрите, вот еще карман. Теперь вы довольны?

Гарпагон. Ну-ну отдай сам!

Лафлеш. Да что отдай-то?

Гарпагон. То, что ты взял.

Лафлеш. Я у вас ничего не брал.

Гарпагон. Наверное?

Лафлеш. Наверное.

Гарпагон. Прощай! Пошел ко всем чертям!

Лафлеш (*про себя*). Вот так расчет!

Гарпагон. Грех на твоей душе, ежели что...

Лафлеш уходит.

Явление четвертое

Гарпагон один.

Гарпагон. Этот бездельник вывел меня из себя, видеть не могу хромого пса³! Да, немалая забота – хранить у себя много денег. Счастлив тот, кто может держать капитал в надежном месте, а в кармане иметь только на необходимые расходы. Куда их спрячешь? Сундукам я решительно не доверяю: это приманка для воров – на сундуки-то они первым делом и кидаются.

Входят Клеант и Элиза и тихо говорят между собой.

³ ...*видеть не могу хромого пса!* – Роль Лафлеша исполнял Луи Бежар (младший), который прихрамывал.

Явление пятое

Гарпагон, Клеант, Элиза.

Гарпагон (*думая, что он один*). Не знаю, хорошо ли я сделал, что зарыл в саду десять тысяч экю, которые мне вчера вернули. Держать десять тысяч экю золотом – это, я вам скажу... (*Заметив Клеанта и Элизу*.) Боже! Я сам себя выдаю! Я увлекся и, кажется, начал думать вслух. (*Клеанту и Элизе*.) Что такое?

Клеант. Ничего, батюшка.

Гарпагон. Вы давно здесь?

Элиза. Только что вошли.

Гарпагон. Вы слышали?

Клеант. Что, батюшка?

Гарпагон. Да вот...

Клеант. Что?

Гарпагон. Что я сказал...

Клеант. Нет.

Гарпагон. Врешь! Врешь!

Элиза. Простите, но...

Гарпагон. Вы кое-что слышали, дело ясное. Это я сам с собой рассуждал, как трудно теперь наживать деньги, говорил, что, мол, счастлив тот, у кого есть десять тысяч экю.

Клеант. Мы боялись подойти, чтобы не помешать вам.

Гарпагон. Я очень рад, что разъяснил вам, а то вы, чего доброго, не так поняли бы меня – вообразили бы, что это я про себя говорю, будто у меня десять тысяч экю.

Клеант. Мы в ваши дела не вмешиваемся.

Гарпагон. Ах, если б у меня было десять тысяч экю!

Клеант. Я не думаю...

Гарпагон. Уж как бы они мне пригодились!

Элиза. Это такое дело...

Гарпагон. Они мне очень нужны.

Клеант. Я полагаю...

Гарпагон. Это бы сильно поправило мои дела.

Элиза. Да вы...

Гарпагон. Я бы тогда не плакался на худые времена.

Клеант. Батюшка! Вам ли плакаться? Всем известно, что вы человек богатый.

Гарпагон. Кто? Я богатый? Врут! Вот уж напраслина! Одни мошенники могут распускать такие слухи.

Элиза. Не сердитесь, батюшка.

Гарпагон. Не диво ли, что родные дети предают меня и становятся моими врагами?

Клеант. Разве сказать, что вы богаты, значит быть вашим врагом?

Гарпагон. Да. Такие разговоры и твое мотовство приведут к тому, что меня скоро зарежут – в надежде, что у меня денег куры не клюют.

Клеант. Какое ж такое мотовство?

Гарпагон. Какое? Да что может быть неприличнее того роскошного костюма, в котором ты шатаешься по городу? Вчера я бранил твою сестру, но это еще хуже. Как тебя еще земля носит? Ты только посмотри на себя – на тебе все с иголочки. Двадцать раз я говорил тебе, Клеант: не нравится мне твое поведение. Строишь из себя маркиза. Чтобы так одеваться, ты должен обкрадывать меня, не иначе.

Клеант. То есть как – обкрадывать?

Гарпагон. А я почему знаю? Ну где ты берешь деньги, чтобы жить так, как ты живешь?

Клеант. Где? Я играю, мне обыкновенно везет, весь выигрыш я на себя и трачу.

Гарпагон. Это очень дурно. Если тебе везет в игре, ты должен этим пользоваться и отдавать деньги в рост, чтобы сберечь их на черный день. Не говоря о чем другом, хотелось бы мне знать, на кой черт все эти ленты, которыми ты увешан с головы до ног? Разве недостаточно полдюжины шнурков, чтобы штаны держались? Зачем тратить деньги на парики, когда можно даром носить свои волосы? Я готов об заклад биться, что твои парики и ленты стоят, по крайней мере, двадцать пистолей⁴, а двадцать пистолей приносят в год восемнадцать ливров шесть су восемь денее⁵ – и это только из восьми процентов⁶!

Клеант. Вы правы.

Гарпагон. Оставим это, однако, и поговорим о другом. *(Заметив, что Клеант и Элиза обмениваются знаками.)* Э! *(Про себя.)* Мне сдается, что они замышляют обокрасть меня. *(Громко.)* Что вы там? А?

Элиза. Мы с ним торгуемся, кому первому говорить: мы оба хотим вам кое-что сказать.

Гарпагон. И я вам тоже хочу кое-что сказать.

Клеант. Мы насчет брака, батюшка.

Гарпагон. И я тоже насчет брака.

Элиза. Ах, батюшка!

Гарпагон. Почему «ах!» Что тебя так испугало: слово или самый брак?

Клеант. Брак может испугать нас обоих оттого, что мы не знаем, как вы на него посмотрите. Мы боимся, что наши чувства, пожалуй, не будут согласны с вашим выбором.

Гарпагон. Имейте терпение. Беспокоиться вам решительно не о чем. Я знаю, что для вас обоих нужно, вам не придется сетовать на то, как я намерен поступить. Итак... *(Клеанту.)* Скажи: ты видел молодую особу по имени Мариана, что живет недалеко отсюда?

Клеант. Видел, батюшка.

Гарпагон *(Элизе).* А ты?

Элиза. Я об ней слыхала.

Гарпагон. Как ты находишь, Клеант, эту девушку?

Клеант. Прелестная девушка!

Гарпагон. Какова она?

Клеант. Сама скромность, а уж какая умница!..

Гарпагон. А наружность? Обращение?

Клеант. У нее все хорошо!

Гарпагон. Не правда ли, о такой девушке стоит подумать?

Клеант. О да, батюшка!

Гарпагон. Не правда ли, лучшей жены и желать не надо?

Клеант. Конечно, не надо.

Гарпагон. Не правда ли, из нее выйдет отличная хозяйка?

Клеант. Еще бы!

Гарпагон. И муж будет вполне ею доволен?

Клеант. Вполне.

Гарпагон. Есть, однако, маленькая помеха: боюсь я, что она вся тут, со всем ее приданым.

Клеант. Ах, батюшка, что значит приданое, когда женишься на такой девушке!

⁴ Пистоль — старинная золотая монета ценностью около десяти франков.

⁵ Ливр и денье — старинные французские денежные единицы, приблизительно соответствующие современному франку и сантим.

⁶ ...это только из восьми процентов. — Этот процент значительно выше установленного в те времена законом.

Гарпагон. Напрасно ты так говоришь, напрасно! Лучше мы скажем так: нет приданого? Что делать! При умении можно его возместить.

Клеант. Само собой разумеется.

Гарпагон. Ну, я очень рад, что мы сошлись. Ее скромность и кроткость очаровали меня, и я решил жениться на ней, лишь бы нашлось у нее хоть что-нибудь в приданое.

Клеант. Ах!

Гарпагон. Ты что?

Клеант. Вы решили?

Гарпагон. Жениться на Мариане.

Клеант. Кто? Вы? Вы?

Гарпагон. Ну да, я! я! Что с тобой?

Клеант. Мне дурно, я должен уйти.

Гарпагон. Это ничего. Ступай на кухню и выпей стакан холодной воды.

Клеант уходит.

Явление шестое

Гарпагон, Элиза.

Гарпагон. Вот она, нынешняя молодежь! Мокрые куры! Итак, Элиза, насчет себя я решил твердо. Твоего брата я женю на вдове, о которой мне говорили утром, а тебя я выдаю за господина Ансельма.

Элиза. За господина Ансельма?

Гарпагон. Да. Это человек степенный, благоразумный, толковый, ему не больше пятидесяти лет, о богатстве же его всем известно.

Элиза (*приседая*). Смею вас уверить, батюшка, что я вовсе не хочу идти замуж.

Гарпагон (*передразнивая*). Смею вас уверить, милая дочка, что вы замуж выйдете.

Элиза (*приседая*). Не взыщите, батюшка.

Гарпагон (*передразнивая ее*). Не взыщите, дочка.

Элиза. Я очень уважаю господина Ансельма, но (*приседая*), как вам будет угодно, я за него не выйду.

Гарпагон. Я ваш покорный слуга, но (*передразнивая ее*) как вам будет угодно, а вы за него выйдете сегодня вечером.

Элиза. Сегодня вечером?

Гарпагон. Сегодня вечером.

Элиза (*приседая*). Этого не будет, батюшка.

Гарпагон (*передразнивая ее*). Будет, дочка.

Элиза. Нет!

Гарпагон. Да!

Элиза. Говорят вам – нет!

Гарпагон. Говорят вам – да!

Элиза. Вы меня не заставите!

Гарпагон. Нет, заставлю!

Элиза. Я скорей руки на себя наложу, чем выйду за него.

Гарпагон. Рук ты на себя не наложишь, а за него выйдешь. Нет, какова дерзость! Слыхано ли, чтобы дочь так разговаривала с отцом?

Элиза. А видано ли, чтобы отец так выдавал дочь замуж?

Гарпагон. Против такой партии ничего не скажешь: всякий одобрит мой выбор, хоть сейчас об заклад.

Элиза. Хоть сейчас об заклад, что ни один умный человек вашего выбора не одобрит.

Явление седьмое *Те же и Валер.*

Гарпагон (*заметив в глубине сцены Валера*). Вот Валер. Хочешь, отдадимся на его суд?

Элиза. Я согласна.

Гарпагон. И ты подчинишься его решению?

Элиза. Да, что он скажет – тому и быть.

Гарпагон. Чего лучше! Поди сюда, Валер! Мы тебя выбрали судьей, чтобы ты решил, кто из нас прав – она или я.

Валер. Конечно, вы, и толковать не об чем.

Гарпагон. Да ты знаешь ли, о чем у нас речь?

Валер. Нет, но вы не можете быть не правы: вы – олицетворенный разум.

Гарпагон. Я хочу нынче же вечером выдать ее за человека и богатого и степенного, а она, бездельница, смеется мне в глаза и говорит, что не хочет. Что ты на это скажешь?

Валер. Что я на это скажу?

Гарпагон. Да.

Валер. Гм! Гм!

Гарпагон. Что?

Валер. Я скажу, что, в сущности, я на вашей стороне, вы не можете ошибаться, но и у нее, вероятно, есть какие-нибудь основания, так что...

Гарпагон. Господин Ансельм – это ли не партия? Человек благородный, благонравный, положительный, разумный и с большими средствами. От первого брака детей у него нет. Это ли не сокровище?

Валер. Так-то оно так, но она может сказать вам: к чему такая спешка? Нужно хоть немного времени, чтобы проверить свои чувства...

Гарпагон. Случай надо хватать за вихор. Упустишь – другого не дождешься. Ансельм-то ведь берет ее без приданого.

Валер. Без приданого?

Гарпагон. Да.

Валер. А! Ну, тогда другое дело. Это, видите ли, такой убедительный довод... тут уж нечего...

Гарпагон. Что я сберегаю-то при этом?

Валер. Понятно! Какие уж тут возражения? Правда, ваша дочь может сказать, что брак – великое дело. Выйти замуж – значит быть ей счастливой или несчастной на всю жизнь, так что, прежде чем заключить союз до могилы, нужно крепко подумать.

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Вы правы. Это решает все, конечно дело. Кто-нибудь, пожалуй, станет убеждать вас, что в подобных случаях нельзя не считаться с сердцем девушки и что слишком большая разница в возрасте, наклонностях и чувствах крайне опасна для супружества.

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Да, тут уж ничего не скажешь, дело ясное, тут сам черт рта не разинет. Хотя опять-таки есть немало родителей, которым счастье их дочерей дороже денег; они ни за что не пожертвовали бы этим счастьем ради собственной выгоды и прежде всего позаботились бы о том, чтобы супруги жили ладно, дружно, в радости и в спокойствии, были верны друг другу и чтобы...

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Да, правда, молчу! Без приданого! Этим все сказано!

Гарпагон (*про себя, поглядывая в сторону сада*). Ой! Кажется, собака лает. Не добьются ли до моих денег? (*Валеру.*) Не уходи. Я сейчас вернусь. (*Уходит.*)

Явление восьмое

Элиза, Валер.

Элиза. Что за шутки, Валер?

Валер. Это для того, чтобы не раздражать его и добиться, чего нам надо. Противоречить ему – значит все испортить. Есть такие упрямы, люди, неуступчивые от природы: на них можно действовать только окольными путями, они не терпят ни малейшего сопротивления, всякая правда ожесточает их, прямым доводам рассудка они не внимают, им необходимо потакать. Делайте вид, что во всем соглашаетесь с ним, и будет по-вашему, а иначе...

Элиза. Но этот брак, Валер!..

Валер. Подумаем, как бы его расстроить.

Элиза. Думать уже поздно – много ли времени до вечера?

Валер. Попросите отсрочки, притворитесь больной.

Элиза. Я притворюсь, а врач меня выдаст!

Валер. Тоже сказали! Что они понимают, врачи-то? Притворяйтесь смело, какую хотите болезнь выдумывайте – они всему поверят и всему дадут объяснение.

Явление девятое

Те же и Гарпагон.

Гарпагон *(в глубине сцены, про себя)*. Все слава Богу.

Валер *(не видя Гарпагона)*. Наконец, у нас есть спасение в бегстве. И если ваша любовь, дорогая Элиза, способна устоять... *(Заметив Гарпагона.)* Да, дочь должна повиноваться отцу Разбирать женихов – не ее дело, а если еще без приданого, так уж тут и рассуждать нечего: бери что дают.

Гарпагон. Так! Отлично сказано!

Валер. Простите, сударь, я погорячился и позволил себе взять неподобающий тон.

Гарпагон. Что ты! Да я в восторге, даю тебе над ней полную власть! *(Элизе.)* Теперь уж ты не отвертись. Ту власть над тобой, которой меня облекло Небо, отныне я передаю ему и требую, чтобы ты из его воли не выходила.

Валер *(Элизе)*. Попробуйте теперь меня послушаться!

Элиза уходит.

Явление десятое

Валер, Гарпагон.

Валер. Я пойду за ней, сударь, и буду продолжать наставлять ее.

Гарпагон. Ты меня очень этим обяжешь...

Валер. Ее надо держать в ежовых рукавицах.

Гарпагон. Это верно. Тем более что...

Валер. Не беспокойтесь. Я уверен в успехе.

Гарпагон. С Богом, с Богом! А мне необходимо отлучиться ненадолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.